

Денис Макаров

Профессия

18+

Денис Макаров

Профессия

«Автор»

2026

Макаров Д.

Профессия / Д. Макаров — «Автор», 2026

Катя когда-то хотела переводить с итальянского и пить кофе на веранде в Риме. Теперь она ездит по ночным вызовам и носит в кармане брелок с тревожной кнопкой. Однажды эта кнопка понадобится — но нажать её сложнее, чем кажется

© Макаров Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Студентка	7
Королева танцпола	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Денис Макаров

Профессия

Пролог

В переулке пахло мочой и жжёным сахаром. Дворники жгли листву вперемешку с мусором, и сладковатый дым стелился над асфальтом, цепляясь за ржавые бока мусорных баков. Ноябрь, три часа ночи, ветер с реки — всё как положено.

Машина стояла у начала переулка, тёмная, неприметная, с выключенными фарами. Двигатель работал — тихо, почти неслышно. Водитель вышел первым, обогнул капот, открыл ей дверь. Не как клиент — как водитель. Она выбралась наружу, поправила пуховик, поёжилась. Каблуки сапог цокнули по асфальту. Водитель подставил локоть, и она ухватилась за него — крепче, чем нужно. Как держатся за поручень в автобусе, когда водитель резко тормозит. Как держатся за единственное, что пока не подвело.

— Не переживай, — сказал он. Голос с хрипотцой, низкий, спокойный. — Я рядом. Если что — нажмёшь кнопку на брелке.

Она кивнула. Брелок лежал в правом кармане пуховика — маленький, гладкий, скользкий, как речная галька. Она сжала его в кулаке. Кнопка под большим пальцем, тугая, с чётким щелчком. Чтобы нажать, нужно усилие.

— Поняла.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел, как она идёт к подъезду. Она чувствовала его взгляд спиной — не липкий, не оценивающий, а какой-то усталый, почти отеческий. Или это она себе придумала, чтобы было не так тошно.

Дверь подъезда была обита чёрным дерматином. В белёсых трещинах застряла пыль — или плесень, она не присматривалась. Из щели под дверью тянуло кошками и каким-то варевом. Классика. Она толкнула дверь плечом. Та подалась со скрипом, тяжёлая, как крышка гроба.

Внутри было темно. Лампочка над входом не горела — то ли разбили, то ли выкрутили, то ли просто кончился срок. Свет сочился откуда-то сверху, с верхних этажей, жёлтый и жидкий. Она поднялась на три ступени и остановилась, давая глазам привыкнуть.

Ступени были бетонные, выщербленные, с железными прутьями арматуры, торчащими в одном месте. Стены крашены масляной краской до половины — зелёной, облупленной. Выше — побелка, серая от времени. Перила деревянные, липкие на ощупь. Она убрала руку и вытерла ладонь о полу пуховика.

На лестничной площадке второго этажа кто-то нарисовал член. Чёрным маркером, жирно, старательно. И номер телефона. Интересно, кто-нибудь звонил по этому номеру? Вряд ли. Такие вещи рисуют не для звонков — просто чтобы оставить след. Чтобы хоть что-то после себя.

Поднималась медленно. Каблуки стучали по бетону — цок, цок, цок. Эхо разбегалось по подъезду и глохло в темноте. Где-то за стеной работал телевизор — бубнили новости, монотонно, без интонаций. Где-то плакал ребёнок — негромко, устало, как будто уже без надежды, что придут и успокоят.

На третьем этаже горела лампа. Обычная лампочка под потолком, без плафона, вкрученная криво в патрон. Свет был жёлтый, больничный. Под лампочкой стоял велосипед без переднего колеса, прикованный цепью к батарее. Рядом — мешок с мусором, который кто-то выставил за дверь и забыл. Или решил, что мусор сам вынесется. Она перешагнула через мешок.

Нужная дверь — в конце коридора. Обычная, обитая тем же дерматином, что и подъездная, только поновее. Из-под двери пробивалась полоска света. Изнутри — тишина. Ни телевизора, ни голосов. Только запах. Слабый, кисловатый. Перегар? Возможно. Или просто так пахнет в квартирах, где давно не открывали окна.

Она остановилась. Достала брелок. Посмотрела на него — маленький, чёрный, с единственной кнопкой. Её большой палец лежал на этой кнопке. Одно движение. Одно нажатие — и водитель зайдёт. Или вызовет полицию. Или просто посигналит. Что он сделает? Она не знала точно, но знала, что он не уехал. Он ждал в машине, в конце переулка, и двигатель работал.

Она убрала брелок в карман и постучала.

За дверью — шаги. Тяжёлые, шаркающие. Звякнула цепочка, щёлкнул замок. Дверь открылась. В проёме стоял мужской силуэт — тёмный, подсвеченный сзади тусклой лампой из прихожей. Лица не разобрать. Запах перегара ударил в лицо, как пощёчина.

— Ну, заходи.

Голос сиплый, равнодушный. Она перешагнула порог. Дверь закрылась.

Студентка

За четыре года до того, как брелок стал её главным козырем, Катя сдавала зимнюю сессию.

Точнее, пыталась сдать. Итальянский, второй курс, преподавательница Алла Борисовна — сухая, как гербарий, женщина с мёртвой хваткой и дикцией музейного аудиогuida. Она ставила зачёты только тем, кто мог без запинки проспрягать глагол «essere» во всех временах, включая те, которые в живой речи не использовались лет триста.

Катя не могла. Она сидела на подоконнике в коридоре общежития, прижималась лбом к холодному стеклу и смотрела, как во дворе дворник в оранжевой жилетке лениво скребёт асфальт лопатой. Снег в том году выпал рано и лежал грязными кучами, ничем не напоминая новогоднюю открытку. Рядом стояла Ленка, соседка по комнате, и красила ногти ядовито-розовым лаком. Лак пах ацетоном и дешёвой клубникой.

— Слушай, ну забей ты на этот итальянский, — сказала Ленка, дуя на ноготь. — Кому он нужен? Ты лучше скажи, у тебя сигареты есть?

— Не курю.

— А зря. Нервы успокаивает.

Катя отлепила лоб от стекла и повернулась. Ленка — рыжая, конопатая, с вечным бардаком в голове и в тумбочке — была её единственной подругой. Не то чтобы они были похожи. Просто так вышло: поселили вместе, и через месяц они уже знали друг о друге всё, что можно узнать, если живёшь в комнате три на четыре и спишь на соседних койках. Кто как ест, кто как плачет, кто какие фотки прячет в телефоне.

— Я не забить хочу, — сказала Катя. — Я сдать хочу. Мне эта итальянская грамматика в кошмарах снится. Сослагательное наклонение, чтоб его.

— Зачем тебе вообще итальянский? Ну, переведись на английский. Все учат английский.

— А я хочу итальянский.

Катя не умела объяснять. Ну как объяснить, что ей с детства снился Рим? Не тот Рим, что в учебниках истории — с цезарями, форумами и акведуками, — а другой: утренний, с запахом кофе и свежей выпечки, с узкими улочками, где сушится бельё на верёвках, натянутых между домами. Она видела это в каком-то фильме, ещё школьницей, и с тех пор не могла выбросить из головы. Италия, Испания, юг Франции — всё, где тепло, где говорят быстро и размахивают руками, где можно сидеть на веранде в лёгком платье и пить эспрессо, и никто тебя не спросит, сдала ли ты сессию и почему не вышла замуж.

Ленка вздохнула и под села рядом на подоконник. Вид у неё стал мрачный.

— У меня тоже мечта была, — сказала она. — Прага. Стажировка по обмену. Там такой кампус, Кать, ты бы видела. Библиотека с витражами, общежитие как отель, и чешский — он же на итальянский немного похож, я учила. Три года подряд подаю заявку. И три года отказ. Сегодня опять прислали. «К сожалению, ваша кандидатура не прошла отбор». Представляешь? Хоть бы для разнообразия написали: «Вы нам не подходите, потому что вы лохушка». Честнее было бы.

Катя отвернулась от окна.

— Лен, ну может, в другой раз...

— Не будет другого раза. После выпуска уже не возьмут. Так и буду в кофейне корицу нюхать до пенсии. — Она открутила колпачок лака и принялась красить мизинец. — Ладно, чё я ною. У тебя вон сессия, у меня отказ, живём дальше. Пошли вечером в клуб? Говорят, «Плазма» норм, бесплатный вход до двенадцати.

— В клуб? — Катя поморщилась. — У меня консультация в субботу.

— В субботу, а сегодня четверг. Отвлечёшься. Хватит киснуть.

Катя хотела отказаться. Но Ленка смотрела на неё с той особенной интонацией, которая появлялась у неё после каждого отказа из Праги, — смесь отчаяния и напускного пофигизма. И Катя согласилась. Не ради себя — ради Ленки, которой нужно было забыться.

Вечером они включили музыку. Ленка нашла в интернете новый трек, ANNA ASTI, «Феникс». Песня была громкая, с тягучим припевом, который хотелось орать во всё горло. Они и орали — стоя на подоконнике, размахивая бутылкой дешёвого просекко, которое Ленка стащила из дома на каникулах. В дверь стучали соседки, но им было плевать. Катя крутилась на месте, юбка задиралась, в голове шумело, и мир казался лёгким и простым, как этот припев.

— Ты, Катюшка, всем покажешь! — кричала Ленка, перекрикивая музыку. — Ты у нас будешь переводить этого, как его, президента Италии!

— Там нет президента! Там премьер-министр!

— Да один хрен! Будешь стоять рядом с ним в телевизоре, в деловом костюме, с наушником в ухе!

Катя хохотала. Деловой костюм у неё был — один, тёмно-синий, купленный на распродаже. Она надевала его на экзамены и чувствовала себя почти взрослой. Почти серьёзной. Почти той, кем хотела стать.

А потом они пошли в клуб.

«Плазма» оказалась подвальным помещением с неоновой вывеской. Охрана на входе — два амбала в чёрных футболках, рамка металлоискателя. Проверили сумки, кивнули — проходите. Внутри было темно, шумно и душно. Музыка била по грудной клетке, как кулаком. Ленка сразу нырнула в толпу, а Катя задержалась у бара, взяла коктейль — сладкий, дешёвый, с зонтиком, — и смотрела на танцпол, не решаясь войти.

Она чувствовала взгляды. Мужские. Они липли к ногам, к талии, к открытым плечам. Сначала это раздражало. Потом — странным образом — начало нравиться. Как будто она стояла на сцене, а не у барной стойки. Как будто она была не просто Катей, студенткой с хвостом по фонетике, а кем-то, на кого смотрят. Кем-то, кто имеет значение.

— Танцуешь? — спросил кто-то рядом.

Она обернулась. Парень. Обычный, но с цепким взглядом и улыбкой, в которой было слишком много зубов.

— Нет пока.

— А зря. Ты красивая.

Она улыбнулась и ничего не ответила. Он не настаивал — просто поднял бокал и отошёл.

Ленка уже была в центре танцпола, прыгала под бит, размахивала руками, и её рыжие волосы метались, как пламя. Катя допила коктейль и пошла к ней. Через минуту они уже танцевали вместе — не ради танца, а ради того, чтобы раствориться в шуме и забыть: одна — про отказ из Праги, другая — про сослагательное наклонение.

А потом появился он.

Невысокий парень в водолазке, с челюстью, похожей на утюг, и улыбкой ведущего кулинарного шоу. Он возник из ниоткуда — просто оказался рядом, когда Катя вышла с танцпола отдышаться. Протянул руку.

— Привет. Я Артур. Ты потрясающе двигаешься. Ты где-то училась?

— Я... нет. Просто танцую.

— Серьёзно? — он поднял брови. — У тебя данные, девочка. Грация. Пластика. Ты на сцену не думала?

— На сцену?

— В стрип-пластику. Нет, ты не думай, это искусство. Шест, акробатика. Девушки с твоими данными через год уже выступают на чемпионатах. Зарабатывают нормально. Я бы тебя взял на просмотр, без подготовки даже.

Он протянул визитку. Чёрную, матовую, с золотой окантовкой. «Артур Северский. Хореограф-постановщик. Студия танца "Грация"». И номер телефона внизу, выбитый золотым тиснением. Бумага была плотная, дорогая на ощупь.

— Я подумаю, — сказала она.

— Думай быстрее, — улыбнулся Артур.

И ушёл. Растворился в толпе, как будто и не было.

Катя сунула визитку в карман куртки. Ленка подошла сзади, запыхавшаяся, с блестящими глазами.

— Кто это?

— Не знаю. Хореограф какой-то. Визитку дал.

— Ого. И чё, позвонишь?

— Не знаю. Может. Просто посмотрю, что за студия.

— Ну-ну, — Ленка хмыкнула и потянула её обратно на танцпол. — Всё, хватит о делах. Пошли танцевать!

Ночью, уже в общежитии, когда Ленка уснула, Катя лежала в темноте и смотрела в потолок. На потолке была трещина — извилистая, как русло пересохшей реки. Она смотрела на неё и думала: «Интересно, сколько зарабатывают стриптизёрши? И правда ли это искусство? И почему этот Артур подошёл именно ко мне?»

Ответов не было. Было только чувство — смутное, беспокойное, как заноза под кожей.

За окном шёл снег. Дворник в оранжевой жилетке давно ушёл. В коридоре кто-то включил «Феникса» на повторе. Катя закрыла глаза и стала считать спряжения — не потому что хотела, а потому что это было единственное, что ещё держало её в мире, где она была студенткой, а не «девочкой с данными».

Essere — быть. Io sono — я есть. Tu sei — ты есть. Lui è — он есть.

Она заснула на «noi siamo» — «мы есть».

Королева танцпола

Визитка лежала в ящике стола три недели.

Катя не выбрасывала её — это было бы признанием, что предложение Артура чего-то стоит. Даже не предложение — намёк. Даже не намёк — просто факт: кто-то посчитал её пригодной для сцены. Она не думала об этом специально, но визитка лежала, и время от времени, открывая ящик за ластиком или зарядкой, она натыкалась на чёрный картон и испытывала что-то вроде тепла. Признание. Странное, кривое, но признание.

Алла Борисовна тем временем продолжала мучить её сослагательным наклоном. Сессия шла своим чередом, без сюрпризов. Итальянский был сдан на «слабую четвёрочку» — не потому что Катя выучила, а потому что преподавательнице надоело видеть её лицо на передачах. Стипендия капала, мать присылала скромные переводы раз в месяц, на жизнь хватало впритык. Ленка продолжала работать в кофейне и пахла корицей и ванилью. Катя заходила к ней иногда — выпить капучино за полцены и посмотреть на нормальных людей, которые приходят, заказывают, пьют и уходят, и никто никому не суёт визитки с золотым тиснением.

— Ну что, не звонила своему хореографу? — спросила Ленка, протирая кофемашину.

— Нет. А надо?

— Я не знаю. Он просто визитку дал. Может, у него таких, как ты, сто штук было.

— Вот именно, — сказала Катя и отпила кофе.

Ей хотелось, чтобы это было правдой. Чтобы таких, как она, — сто штук, и она ничем не выделяется, и можно спокойно доучиться, получить диплом, сидеть в кабинете с кондиционером и переводить переговоры про экспорт зерна. Но что-то внутри — маленькое, голодное, безмянное — не хотело успокаиваться. Это «что-то» помнило клуб, помнило взгляды, помнило, как горели щёки и как сердце колотилось в такт басам. Помнило и хотело ещё.

А потом наступил февраль.

Февраль в их городе был месяцем, когда зима уже не настоящая, а весна ещё не обещает ничего хорошего. Серое небо, серый снег, серые лица. Катя ходила на пары, возвращалась в общагу, грела кипяток в электрическом чайнике и смотрела в стену. Стена была зелёной, крашеной масляной краской. Она уже знала её наизусть.

Ленка уехала на неделю к родителям — у её бабушки был юбилей, и пропустить было нельзя. Катя осталась одна. В первую ночь она включила музыку, просто чтобы не было тихо. Во вторую — налила себе вина, которое осталось с Нового года. В третью — достала визитку из ящика.

«Артур Северский. Хореограф-постановщик. Студия танца "Грация"».

Она вертела картон в пальцах и думала: «Ну, позвони. Что ты теряешь? Просто спроси, что за студия. Просто узнай. Это же не контракт. Это же не навсегда».

Она не позвонила. Но зашла в интернет и нашла страницу студии в социальной сети. Фотографии девушек. Красивых, гибких, в коротких топах и шортах. Они сидели на шпагатах, висели на шестах вниз головой, улыбались в камеру. Хэштеги: #танцы #пластика #grace #женственность. Ни слова про стриптиз. Всё было аккуратно, эстетично, почти невинно.

Катя закрыла вкладку. Потом открыла снова. Потом нашла адрес студии — пятнадцать минут на трамвае от её остановки.

— Просто посмотрю, — сказала она вслух. — Просто узнаю, сколько стоит абонемент.

Вслух. Как будто оправдывалась перед кем-то, кого не было в комнате.

Студия находилась в цокольном этаже бизнес-центра — стекло, бетон, турникет на входе, охранник с равнодушным лицом. Катя ожидала чего-то другого — может, подвала с красными шторами и запахом порока, как в кино. Но пахло офисом: бумагой, кофе из автомата, чистя-

щим средством с лимонной отдушкой. На ресепшене сидела девушка с идеальным пучком на голове и улыбкой стюардессы.

— Вы на пробное занятие?

— Я... да. Наверное.

— Заполните анкету. Пробное — бесплатно. Потом можно купить абонемент на восемь или шестнадцать занятий. Есть ещё индивидуальные тренировки, но это уже с инструктором отдельно.

Анкета была короткая: имя, возраст, опыт танцев, цели. В графе «цели» Катя написала: «Улучшить пластику». Не соврала.

Раздевалка была маленькая, с зеркалами в полный рост. Пахло потом, дезодорантом и ещё чем-то — присыпкой? Да, детской присыпкой. Катя тогда не поняла, зачем она нужна. Позже узнает: чтобы руки не скользили по шесту. Но это потом.

Она переделалась в лосины и футболку, которые взяла с собой. Посмотрела в зеркало. Обычная девушка. Симпатичная. Ничего особенного. Или — особенная? Она не знала. Она никогда не могла решить, красивая она или нет. Иногда — да. Иногда — хотелось закрасить отражение чёрной краской.

Зал был просторный, с высокими потолками и зеркальной стеной. Вдоль стены — хореографический станок. В центре — три шеста, хромированные, уходящие в потолок. Возле одного стояла женщина лет тридцати, в чёрном купальнике и босиком. Она была сухая, жилистая, с резкими движениями и лицом, которое забываешь сразу после того, как отворачиваешься. Инструктор.

— Я Алиса, — сказала она. — Новенькая? Вставай к станку, разминайся.

Разминка была обычная: наклоны, растяжка, махи. Она делала всё на автомате — в школе семь лет гимнастики, тело помнило. Алиса ходила вокруг, поправляла, кивала. Без похвалы, без критики. Просто работа.

Потом был шест.

— Никогда не пробовала? — спросила Алиса.

— Нет.

— Сейчас попробуешь. Главное — не бойся. Шест не враг. Он опора. Ты его держишь, он тебя держит. Взаимное уважение.

Катя усмехнулась. Взаимное уважение с куском металла — это было сильно.

Она подошла к шесту, взялась рукой. Холодный. Гладкий. Она сделала простой оборот — ноги от пола, корпус вокруг, приземлиться мягко. Получилось. Ещё раз. Ещё. Тело вспомнило гимнастику, мышцы включались, и через пятнадцать минут она уже висела вниз головой, зацепившись коленями, и смотрела на перевернутый мир в зеркале.

— А говорила, не пробовала, — сказала Алиса без улыбки.

Катя спрыгнула на пол. Дышала тяжело, но внутри что-то искрило. Тот самый голод. Тот самый, что был в клубе, на танцполе. Здесь, на шесте, он был острее. Потому что здесь она была не просто телом в толпе — она была телом на возвышении. Телом, которое смотрит на себя в зеркало и видит не студентку с хвостом по фонетике, а кого-то другого. Кого-то, кем можно стать.

Она купила абонемент на восемь занятий.

Деньги были из тех, что мама прислала на «канцелярию и проезд». Она потратила почти всё. По дороге в общагу думала: «Скажу, что учебники подорожали». И самой стало смешно — она раньше никогда не врала маме. Даже по мелочам.

А потом пошли недели. Она занималась два раза в неделю, потом три. Приходила в студию как на праздник — единственное место, где можно было не думать о зачётах, о деньгах, о том, что летом надо искать подработку, а нормальной работы не найти без диплома. Здесь она молчала. Здесь она двигалась. Здесь её тело говорило на языке, который не требовал перевода.

Через два месяца Алиса сказала:

— Артур хочет с тобой поговорить. Насчёт клуба.

— Какого клуба?

— Ночного. Мы сотрудничаем с одним заведением. Им нужны танцовщицы на сцену. Не стриптиз — пока просто танец. Пластика, костюм, образ. Платежи хорошие. Два-три выхода в неделю. Ты подходишь.

«Пока просто танец». Катя услышала это «пока», но не спросила. Испугалась ответа. Или, наоборот, испугалась, что ответ ей не понравится.

Артур ждал её в кафе через дорогу от студии. Пил зелёный чай, заедал рисовым хлебом. Выглядел как фитнес-блогер в отпуске.

— Катя, ты умница. У тебя прогресс за два месяца, как у некоторых за полгода. Данные. Я сразу сказал. Сцена тебя ждёт.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Я никогда не танцевала перед публикой. Ну, в школе на утренниках...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.